

А. Б. Соколов, А. С. Осипов

История Англии в оценках Н. М. Карамзина

Статья посвящена взглядам Н. М. Карамзина на историю Англии, которые нашли свое отражение в одном из его знаменитых произведений «Записки русского путешественника».

Ключевые слова: Н. Карамзин, К. Мориц, «Записки русского путешественника», история Англии, тревелог.

A. B. Sokolov, A. S. Osipov

History of England in N. M. Karamzin's Estimations

The article is devoted to N. M. Karamzin's points of view at the history of England found their reflection in one of his famous works "Notes of the Russian Traveler".

Keywords: N. Karamzin, K. Moritz, "Notes of the Russian Traveler", history of England, travelogue.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) не нуждается в представлении. Человек огромного таланта, он в равной мере рассматривается как один из основателей и русской литературы, и русской историографии. Многотомная «История государства Российского» считается одной из вершин историографии первой четверти XIX в.

В центре этой публикации другой труд Карамзина, мимо которого также не прошли исследователи русской литературы. Речь идет о «Записках русского путешественника». В свое продолжавшееся почти полтора года путешествие по Европе Карамзин отправился весной 1789 г. Дневниковые записки Карамзина стали выдающимся памятником русской литературы эпохи сентиментализма. Маршрут путешественника проходил по Германии, Швейцарии, Франции и, наконец, Англии, где он находился (если верить самим «Запискам») с июля по сентябрь 1790 г. Безусловно, это сочинение является важным историческим источником, достаточно вспомнить, что его автор оказался современником революционных событий в Париже. Что касается той части труда, которая относится к Англии, можно с большой долей уверенности утверждать, что важным источником было сочинение немца Карла Морица, описавшего свое пребывание в Англии в 1783 г.

В Берлине Карамзин посетил Морица и описал свою с ним беседу. Карамзин называл Морица «одним из первых знатоков немецкого языка» и выделял его труд «О языке в психологическом

отношении». Но и сочинение Морица о путешествии в Англию Карамзин читал. Он замечал: «Человеку с живым чувством и с любопытным духом трудно ужиться на одном месте; неограниченная деятельность души его требует всегда новых предметов, новой пищи. Таким образом, Мориц, накопив от профессорского дохода своего несколько луидоров, ездил в Англию, а потом в Италию собирать новые чувства» [2, с. 136–137]. Если о путешествии по Италии «публике еще неизвестно», описание первого путешествия Карамзин читал с «великим удовольствием». Морица он представлял стариком, но тот оказался молодым человеком лет тридцати. В разговоре с русским посетителем Мориц, в частности, сказал: «Ничего нет приятнее, как путешествовать. Все идеи, которые мы получаем из книг, можно назвать мертвыми в сравнении с идеями очевидца. Кто хочет видеть просвещенный народ, который посредством своего трудолюбия дошел до высочайшей степени утончения в жизни, тому надобно ехать в Англию; кто хочет иметь надлежащее понятие о древних, тот должен видеть Италию» [2, с. 137]. О том, что сочинения Морица были известны в России, свидетельствуют два издания переводов: в 1795 г. под названием «Картина нынешнего естественного и политического состояния Англии» и в 1804 г. под названием «Путешествие Г-на Морица по Англии. В письмах».

«Записки русского путешественника» хранят, как показал выдающийся литературовед Ю. М.

Лотман, немало загадок. Лотман исходил из того, что это целиком художественное произведение, сюжетная линия которого далеко не во всем соответствует реальной канве событий, происшедших с молодым Карамзиным. Блестящий анализ Лотмана, осуществленный в книге «Сотворение Карамзина», не является предметом специального рассмотрения в этой статье, но стоит заметить, что восстановление реальных обстоятельств путешествия Карамзина, особенно связанных с его пребыванием в Париже, – исследовательский шедевр, подобных которому, увы, почти не встречается в историографии. Лотман не просто обратил внимание на двусмысленность в написании дат, но и утверждал, что Карамзин находился в Лондоне куда более краткое время, чем можно полагать, исходя из «Записок», возможно, не более десяти дней. Во всяком случае, в Петербург он вернулся не в сентябре, а уже в середине июля 1790 г. Время его приезда в Лондон и вовсе точно определить невозможно. И дело не только в том, что Карамзин «поиздержался», «совершенно очевидно, что за время путешествия в планах Карамзина произошли значительные сдвиги: если прежде его душа стремилась в Лондон, то теперь Париж интересовал его гораздо больше. Это отразилось не только на краткости пребывания в столице Англии, но и на поведении путешественника. Если в Германии, Швейцарии и Франции путешественник решительно переступает пороги различных знаменитостей, посещает общественные собрания, стремясь к непосредственным знакомствам и с простыми пастухами, и с выдающимися мыслителями, и со знаменитыми политическими деятелями, то английские рецензенты “Писем” ядовито упрекали автора, что он большую часть лондонского пребывания провел в обществе чиновников русского посольства и слишком поверхностно описал английскую жизнь» [3, с. 176].

Лотман не ограничился указанием на это, но и привел целый ряд примеров, свидетельствующих о явной подмене реальных впечатлений готовыми литературными штампами. По словам Лотмана, в «Записках» «Карамзин влагает в его (героя путешествия – А. С., А. О.) уста целые страницы из путеводителей и ученых описаний путешествий. Причем источники эти не только обнажены, но порой и прямо названы – опознание их входит в авторский расчет» [3, с. 24]. Лотман указывал, что «недостаток реальных наблюдений Карамзин скрывал, включая в письма обзорные статьи, такие, как “театр”, “литература”, “семейная

жизнь”, явно основанные на книжных источниках и даже имеющие заглавия на манер журнальных статей. Там же, где описываются встречи и беседы, якобы происходившие в действительности, литературная природа их очевидна внимательному читателю» [3, с. 178]. Мог ли Карамзин, обладавший исключительной памятью, после того, «как долго смотрел на портрет» Петра I кисти Неллера в Винзоре, забыть, что на нем император изображен в фантастических декоративных латах, а не в преображенском мундире? Такая ошибка прощательна нашему современнику, но ее вряд ли мог допустить Карамзин, сам некогда носивший преображенский мундир. Итак, прикрываясь авторитетом великого Лотмана, рискуем утверждать: английская часть «Записок» написана спустя время после возвращения на родину и основывается не столько на личных воспоминаниях, но в большей степени на имевшейся под рукой Карамзина литературе, в том числе на книге Морица, а также на исторических сочинениях.

Тем не менее, цель этой публикации состоит не в характеристике аналогий, имеющихся в двух травелогах, а в анализе суждений об английской истории в тексте Карамзина и в определении на этой основе его отношения к тем событиям и персоналиям британской истории, которые привлекли его внимание. Раскрытые Лотманом особенности позволяют рассматривать этот текст как обзор английской истории, составленный Карамзиным на основе имевшихся в его распоряжении вторичных источников. Кто из английских монархов, политических деятелей и представителей культуры «удостоился» его внимания и в каком контексте? Откуда черпал Карамзин сведения о британской истории? Какими способами он конструировал собственное отношение к людям и событиям прошлого? Какие доминирующие тенденции он видел в истории этой страны? Вопрос можно поставить иначе, в более абстрактном виде: как представлял себе в конце XVIII в. английскую историю образованный русский дворянин 24-х лет от роду? Конечно, «Записки русского путешественника» – это не систематический курс истории. Как правило, «экскурсы» в историю Карамзин делал под влиянием непосредственных впечатлений, например, после посещения достопримечательностей: собора св. Павла, Тауэра, Хэмптон-Корта и других известных мест. По меньшей мере, такое представление он создавал у читателя. Кроме того, сам жанр работы предполагал, что автора больше привлекает не исто-

рия как таковая, а наблюдение современной ему английской жизни: нравов, правил политики, тюрем и Бедлама, явлений культуры, английского характера и английского юмора, даже красоты английских женщин. За ограниченностью места приходится отказаться от рассмотрения всех этих аспектов, несмотря на их значимость в плане конструирования образа англичан как «других». Тем не менее, бросается в глаза, что «исторических экскурсов» куда больше, когда речь идет о пребывании в Англии, чем в других странах. Кроме того, в пользу предлагаемого анализа говорит то очевидное обстоятельство, что литература и история в рассматриваемую эпоху еще не разделились. Недаром многие литературоведы указывали на значение «Истории государства Российского» именно в контексте развития литературного процесса.

Известная трудность анализа текста Карамзина состоит в том, что в нем немало противоречивых оценок. Вообще говоря, человеку присуще менять точку зрения, подчас он не замечает, что сказанное сегодня противоречит тому, что было сказано вчера. Сложилось впечатление, что тенденцией описания Карамзиным «английкости» было нарастание в его сочинении скептических и критических оценок. Приведем один пример: едва приехав в Лондон, Карамзин рассуждает о влиянии на него городской суеты и «многолюдства», заметив при этом: «Я умствую: извините. Таково действие английского климата. Здесь родились Невтон, Локк и Гоббес» [2, с. 523]. А вот незадолго до отъезда он утверждал следующее: «Англичанин молчалив, равнодушен, говорит, как читает, не обнаруживая никогда быстрых душевных стремлений, которые потрясают электрически всю нашу физическую систему. Говорят, что он глубокомысленнее других: не для того ли, что кажется глубокомысленным? Не потому ли, что густая кровь движется в нем медленнее и дает ему вид задумчивого, часто безо всяких мыслей? Пример Бакона, Невтона, Локка, Гоббеса ничего не доказывает. Гении рождаются во всех землях, вселенная – отечество их, – и можно ли по справедливости сказать, что, например, Локк был глубокомысленней Декарта и Лейбница?» [2, с. 590]. Получается: в первом случае пример Ньютона, Локка и Гоббеса обосновывается особыми условиями Англии (климат, способствующий философствованию), во втором – именно это и отрицается.

Откуда Карамзин черпал знания об английской истории? Его сочинение показывает, что

одним из источников была британская литература и историография. Он высоко оценивал заслуги британских авторов: «Примечания достойно то, что одна земля произвела и лучших романистов, и лучших историков. Ричардсон и Фильдинг выучили французов и немцев писать романы как *историю жизни*, а Робертсон, Юм, Гиббон влияли в историю привлекательностью любопытнейшего романа умным расположением действий, живописью приключений и характеров, мыслями и слогом. После Фукидида и Тацита ничто не может сравниться с триумvirатом Британии» [2, с. 574]. По-видимому, именно Юм оказал на Карамзина самое сильное впечатление. Во всяком случае, он неоднократно называл имя великого историка. Так, «англичане просвещены и рассудительны, соглашаюсь: здесь ремесленники читают Юмову «Историю» [2, с. 590].

Чтение Юма, безусловно, впечатлило Карамзина до такой степени, что книга «выпадает из рук». Карамзин был готов едва ли не в полной мере принять критический скептицизм Юма, присущий последнему взгляд на историю страны как на свод многих трагедий, порожденных слабостями человеческой природы, фанатизмом и недостатком разумности. Впрочем, лучше Карамзина не скажешь: «Я недавно читал Юма, и память моя тотчас представляла мне несчастных принцев, которые в этой крепости (в Тауэре – А. С., А. О.) были заключены и убиты. Английская история богата злодействами; можно смело сказать, что по числу жителей в Англии более, нежели во всех других землях, погибло людей от внутренних мятежей. Здесь католики умерщвляли реформаторов, реформаторы – католиков, роялисты – республиканцев, республиканцы – роялистов; здесь была не одна французская революция. Сколько добродетельных патриотов, министров, любимцев королевских положило свою голову на эшафоте! Какое остервенение в сердцах! Какое исступление умов! Книга выпадает из рук. Кто полюбит англичан, читая их историю? Какие парламенты! Римский сенат во времена Калигулы был не хуже их. Прочитав жизнь Кромвеля, вижу, что он возвышением своим обязан был не великой душе, а коварству своему и фанатизму тогдашнего времени. Речи, говоренные им в парламенте, наполнены удивительным безумием. Он нарочно путается в словах, чтобы не сказать ничего: какая ничтожная хитрость! Великий человек не прибегает к таким малым средствам: он говорит дело или молчит. Сколь бессмысленно все говоренное и писанное Кром-

велем, столь умны и глубокомысленны сочинения секретаря его Мильтона, который по восшествии на престол Карла II спасся от эшафота своею поэмою, славою и всеобщим уважением» [2, с. 545–546]. Это высказывание Карамзина, относящееся преимущественно к событиям, получившим в XIX в. название «Английская революция», позволяет судить об определенной односторонности автора. В самом деле, вряд ли религиозные войны были менее ожесточенными в других европейских странах. Кто полюбит англичан, читая их историю? Дело даже не в том, что многие любили и Англию, и англичан, а в том, что в этой фразе прослеживается мысль о возможности конструирования «положительной» истории, такой, которая будет привлекательной для других наций. Нет ли в этом урока, усвоенного будущим автором «Истории государства Российского»? Другим печальным событием была война Алой и Белой Роз, по поводу которой Карамзин писал: «Сия война составляет ужаснейшую эпоху в английской истории: славная Magna Charta, права, законы – все было под спудом. Народ не знал, к кому обратиться и в мертвой бесчувственности служил орудием беспрепятственных злодеяний» [2, с. 588]. Что касается критерия оценок, то в его основе лежит моральный дискурс, порожденный в Просвещении – критерий не очень ясный. Впрочем, рискнем предположить, что за двести лет в телеологическом плане историография вряд ли нашла что-то более определенное.

На самом деле все обстоит не так грустно: во всяком случае, у Карамзина имеются и высокие оценки. В Британском музее для него всего «любопытнее был оригинал Магны Харты, или славный договор англичан с их королем Иоанном, заключенный в XIII веке и служащий основанием их конституции. Спросите у англичанина, в чем ее главные выгоды. Он скажет: “Я живу, где хочу; уверен в том, что имею; не боюсь ничего, кроме закона”. Разогните же Магну Харту: в ней король утвердил клятвенно сии права для англичан – и в какое время? Когда все другие европейские народы были еще погружены в мрачное варварство» [2, с. 566–567]. Как видим, Карамзин признавал, что при всех «злодействах» английской истории она раньше других достигла образцов, которым следовали другие народы. Другой замечательный пример – патриотическая забота о ветеранах. Об этом раздумывал Карамзин, посетив Гринвич с его госпиталем для моряков-ветеранов. С террасы здания «седые старцы» видят корабли на Тем-

зе, «что может быть для них приятнее. Сколько воспоминаний для каждого! Так и они в свое время рассекали волны, с Ансоном, с Куком!» Карамзин напоминал читателю ответ Петра I на вопрос английского короля Вильгельма III, что ему понравилось в Англии больше всего: «То, что гошпиталь заслуженных матрозов похож здесь на дворец, а дворец вашего величества похож на гошпиталь». Описывая внутренние украшения здания, Карамзин сообщал: «Имена патриотов, давших деньги Вильгельму III на заведение гошпитали, вырезаны на стене золотыми буквами. Тут же представлен и сей любезный англичанам король, попирающий ногами самовластие и тиранство» [2, с. 555–557]. Конечно, в этих суждениях заметен либеральный дух эпохи Просвещения, разделяемый молодым Карамзиным: осуждение тиранства и, может быть, даже зависть по отношению к правам свободнорожденных англичан.

Разнообразны оценки, которые Карамзин давал английским монархам. Чаще других королей он упоминал Карла II, причем как короля любвеобильного. Отчасти это можно объяснить тем, что именно в эпоху Реставрации, после пожара, Лондон приобретает тот вид, который знаком путешественнику и в XVIII в. Однако если учесть неоднократные реверансы Карамзина в сторону англичанок, красота которых явно пришлась ему по вкусу, так и хочется толковать эту часть текста во фрейдистском духе. Может быть, здесь уместно вспомнить и о том, и в любовной поэзии Карамзина исследователи (и современники) видели нарушение традиций классицизма XVIII в., открытое и поэтому скандальное перенесение интимно-эротических переживаний в сферу публичного [3, с. 206–207]. При известной доле смелости можно попытаться найти в оценках Карла II намек на нравы екатерининского царствования. Впрочем, это не кажется невозможным, если учесть прежнюю связь Карамзина с кружком Новикова и его знакомство с графами братьями Воронцовыми: Александр был покровителем Радищева, а Семена, посла в Англии, Карамзин посещал в Лондоне (Лотман блестяще конструирует, что они могли обсуждать при встрече). Итак, при посещении Биржи русский путешественник указывал на статую Карла II, содержащую самую грубую лесть и ложь: “Отцу отечества, лучшему из королей, утехе рода человеческого”, и проч. Кругом везде амуры, не без смысла тут поставленные: известно, что Карл II *любил любить*» [2, с. 539]. В другом месте Карамзин

рассказывал о посещении Виндзора и не преминул упомянуть не только о полотнах великих художников, но и о Зале красоты, «где стоят портреты прелестнейших женщин во время Карла II. Хотите ли знать их имена? Г-жи Ноф, Лоусон, леди Сандерленд, Рочестер, Дэнхем, Мидлтон, Байрон, Ричмонд, Кливленд, Сомерсет, Нортемберленд, Греммонт, Оссори. Если живописцы не льстили, то они были подлинно красавицы, даже в Англии, где так много приятных женских лиц» [2, с. 552]. Особое внимание автора привлекла зала св. Георгия и аллегорическое изображение Карла II. По этому поводу Карамзин заключал: «Одним словом, как в Версальском дворце все дышит Людовиком XIV, так в Виндзорском все напоминает Карла II, о котором английские патриоты не любят вспоминать» [2, с. 553].

Посещение Тауэра и трофеи, доставшиеся после разгрома испанской Великой Армады, подвигли Карамзина к рассуждению о Филиппе II Испанском и Елизавете I Английской; он «воображал смиренную гордость первого и скромное величие последней, воображал ту минуту, когда герцог Сидония упал на колени перед своим монархом, говоря “Флот твой погиб!”, и когда Филипп с милостью простирая к нему руку, отвечал: “Да будет воля Божия!” – Я воображал всеобщую ревность лондонских граждан и солдат Елизаветинных, когда она, в виде любви и красоты, как богиня, явилась между ними, говоря: “Друзья, не оставьте меня и отечество” и когда все они единодушно отвечали: “Умрем за тебя и спасем отечество!”» [2, с. 546]/ Столь же идеализированный образ Елизаветы присутствует и на страницах «Истории государства Российского»: «Сия знаменитая королева, одаренная и великим умом, и любезными свойствами, снискала его (Ивана Грозного – А. С., А. О.) дружбу» [1, с. 63]. Другое замечание в «Записках» относительно Елизаветы прозвучало в связи с посещением Вестминстерского аббатства, «где вы видите подле несчастной Марии Стюарт Елизавету! Гроб все примиряет» [2, с. 584]. Также в Тауэре внимание Карамзина привлекло изображение «храброго Черного Принца», венец Эдуарда Исповедника и топор, которым отрубили голову Джейн Грей.

В сохранившейся части сгоревшего Уайтхолла посетителям показывают «закладенное окно, из которого несчастный Карл сведен был на эшафот. Там, где он лишился жизни, стоит мраморное изображение Иакова II, подняв руку, он указывает на место казни отца своего» [2, с. 548]. Речь, конечно, идет о Карле I, а не о Карле II, как ошибочно указано в примечаниях к использованному изданию.] Посетив великолепный Хэмптон-Корт, построенный кардиналом Уолси, Карамзин называет последнего «английским Ришелье и Дюбуа» и замечает, что Уолси «сам испугался такой пышности, зная хищную зависть Генриха VIII, и решился подарить ему сей замок, в котором после жила умная и добродетельная королева Мария, дочь Иакова II» [2, с. 588–589].

Анализ приведенных отрывков из «Записок русского путешественника» показывает, что обращение к прошлому Англии выстраивается Карамзиным, в основном, в двух дискурсах: патриотическом и морально-философском. О первом свидетельствует фактическое противопоставление Карла II и Елизаветы, базирующееся на отношении к ним патриотов. О важности для писателя патриотического дискурса говорят и другие многочисленные его суждения, например об уважении к героям: «Некоторые памятники сооружены парламентом и королем от имени благодарной Англии за важные услуги, например, капитану Корнвалю, генералу Вольфу, майору Андре, которые пожертвовали жизнью отечеству. Трогательное и достойное геройства воздаяние!» [2, с. 583]. Приверженность Карамзина характерному для XVIII – первой четверти XIX в. жанру моральной философии нашла отражение во многих эпитетах, использованных им (несчастный, добродетельный, храбрый, умный, хищный и т. д.).

Библиографический список

1. Карамзин, Н. М. История государства Российского. Кн. 3 [Текст] / Н. М. Карамзин – М., 2002. – С. 63.
2. Карамзин, Н. М. Записки русского путешественника [Текст] / Н. М. Карамзин // Карамзин Н. М. Избр. соч. : в двух томах. Т. 1. – М.–Л., 1964.
3. Лотман, Ю. М. Сотворение Карамзина [Текст] / Ю. М. Лотман. – М., 1987.